

«МУЖИЦКАЯ ПРАВДА» И ЕЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЕ НАПОЛНЕНИЕ

Гронский А.Д.
(Минск, Минская духовная академия /
Москва, ИМЭМО РАН)

Накануне и в период польского восстания 1863 – 1864 гг. повстанцы пытались охватить пропагандой все слои населения, в том числе и крестьян. Для этого в 1862 г. начался выпуск листовки «Мужицкая правда». Ее называли газетой, листовкой, воззванием, брошюрой и даже журналом, но по своей сути «Мужицкая правда» является именно листовкой. Ее авторами считается К. Калиновский с группой своих приверженцев. «Мужицкая правда» начала издаваться летом 1862 г. и просуществовала всего год, при этом вышло семь выпусков, шесть из которых – до конца 1862 г., а последний – лишь летом 1863 г., когда восстание в Северо-Западном крае уже было практически подавлено. Она была рассчитана только на крестьян. Печаталась латинским шрифтом на гродненском диалекте белорусского языка с большим количеством полонизмов и призывала к борьбе против русских. Причем не только против русской администрации, а против всех русских. Листовка обращалась к крестьянам не с этнических позиций, в ней не было упоминания, что местные крестьяне – белорусы или литвины. Подобных этнонимов в газете вообще нет. Единственное упоминание прилагательного «литовский» появляется в фразе «Король Польский и Литовский» («Мужицкая правда» № 2) [7, с. 127], что, несомненно, обозначает короля Речи Посполитой, упоминаемого в других случаях как «Король наш польский». Это доказывает только то,

что газета обращалась к социальному слою – крестьянству, а не к этнической общности – белорусам. Тот факт, что она выходила на белорусском языке, не говорит о ее белорусской направленности. Ведь в период оккупации 1941–1944 гг. нацистские оккупационные власти тоже выпускали различные листовки и обращения к населению на белорусском языке, но делалось это по одной простой причине: немецкого языка население не понимало. Кроме того, на русском языке польские повстанцы обращаться к местному населению не стали бы из принципа, а по-польски понимали далеко не все крестьяне. Таким образом, белорусскоязычная листовка была единственным выходом для повстанцев. «Мужицкая правда» затрагивала наиболее злободневные проблемы и указывала на русских как на силу, которая эти проблемы создавала.

Современные исследователи считают, что «Мужицкая правда» выпускалась на территории Гродненской губернии, некоторые настаивают, что типография была в Вильно, поскольку именно там был центр оппозиционного русскому правительству движения в Северо-Западном крае. Однако, по донесениям секретных агентов, работавших на органы российской государственной безопасности, «Мужицкая правда» печаталась на территории этнической Польши, скорее всего в Варшаве [7, с. 141]. Еще одним возможным местом указывался Белосток, но местная жандармерия, опираясь на сведения секретных сотрудников, утверждала, что листовки доставляются в Белосток из Варшавы [7, с. 142]. На то, что «Мужицкая правда» печаталась в Варшаве, указывают еще и факты, что в некоторых местностях она появлялась после приезда местных дворян из польской столицы и распространялась именно ими. Кроме

того, если проследить распространение листовок, то оказывается, что их находили на обширной территории: в Белоруссии, Польше, Литве, Латвии и даже на северо-западе этнической России, но больше всего листовок найдено в пограничной с Польшей Гродненской губернии [о территории распространения листовок см.: 5, с. 5–67]. Причем первые экземпляры появились именно в тех населенных пунктах, которые располагались вдоль польской границы. По сведениям политической полиции, листовки доставлялись из Варшавы в Гродно по железной дороге, а дальше могли расходиться по всей территории Гродненской губернии и за ее пределы. О постоянной перевозке по железной дороге агитационной литературы и даже оружия было известно властям, но по причине того, что практически вся железнодорожная администрация состояла из поляков, русское правительство не могло пресекать подобные перевозки [1, с. 11; 7, с. 141]. Таким образом, на основе вышеприведенных фактов можно выдвинуть тезис, что «Мужицкая правда» была инспирирована из Варшавы, а участие в этом проекте К. Калиновского и других представителей Северо-Западного края было необходимо, поскольку они лучше знали местные особенности. Я.И. Трещенок выдвинул предположение, что «Мужицкая правда» сначала была написана по-польски, а потом переведена на белорусский [8, с. 132]. Это можно подтвердить и тем, что листовка печаталась в Варшаве, а для того, чтобы она прошла цензуру у кого-то из руководителей варшавской повстанческой организации, текст должен был быть написан по-польски. Кроме того, было доказано, что написанные по-белорусски подобные «Мужицкой правде» листовки, например, «Гутарка старога дзеда», именно так и появились [9, с. 88].

Крестьян, к которым обращалась листовка, должно было насторожить то, что автор из-под Вильно использовал в своей пропаганде диалект соседнего региона. И к тому же текст печатался латинским шрифтом, что затрудняло его понимание православными крестьянами, привыкшими, если они были грамотными, к кириллице. Также некоторые шляхтичи-пропагандисты объясняли крестьянам Восточной Белоруссии, что листовку написал поляк Ясько и печатается она в Польше [5, с. 47]. Это еще одно доказательство того, что никакой белорусской идеи листовка не несла, иначе нельзя было бы сказать, что она из Польши.

Кроме того, автор или авторы газеты все же являлись шляхтичами, именно поэтому попытка писать крестьянским языком оказалась провальной, провозглашавшиеся там притеснения порой были надуманы [3, с. 175]. Шляхтичи, как ни старались скрыть свое происхождение, все равно выдавали его, поскольку не знали хорошо ни крестьянского быта, ни крестьянского разговорного языка и некоторых элементов крестьянского поведения. В результате чего агитация в поддержку польского восстания не производила на крестьян впечатления, а наоборот, настораживала их [5, с. 41–42]. Крестьяне даже если и читали листовку, то не очень понимали ее смысл, так как говорили они немного по-другому, а язык, использовавшийся в листовке, заставлял их думать, что писал не крестьянин, а человек образованный, не вышедший из крестьянской среды и не знавший крестьянского быта. Язык «Мужицкой правды» был попыткой (кстати, попыткой неудачной) интеллигенции подстроится под крестьянское произношение, попытаться объяснить крестьянам совершенно не интересующие их категории. Поэтому призывы «Мужицкой правды» так и остались

призывами. А если учесть, что часть крестьян попала к повстанцам под принуждением, то роль пропаганды придется еще уменьшить.

Примечательно, что ни в одном выпуске «Мужицкой правды» не поднимался вопрос этничности крестьян, к которым была обращена листовка. Этот вопрос обходится стороной. Возможно потому, что сами крестьяне не определяли себя по этническому признаку. Если они маркировали себя по вероисповедному принципу, то делились на поляков (т.е. католиков) и русских (т.е. православных). Но польские повстанцы не могли обращаться к православным крестьянам как к русским, поскольку это выглядело бы как неудачная попытка втянуть русских в борьбу против своих же и сразу же показало, что белорусские крестьяне стоят намного ближе к великорусам, чем к полякам. Если же этничность заявлялась как поляки, тогда возникал вопрос веры: все поляки – католики, а переходить католикам из православия в униатство, к чему призывал листовка, попросту глупо. Поэтому вопрос этничности на страницах «Мужицкой правды» не поднимался. Только лишь в «Письме Яськи-гаспадара из-под Вильно к мужикам земли польской» К. Калиновский открыто объявил белорусских крестьян поляками [4, с. 241–242], но это уже был жест отчаяния, поскольку летом 1863 г. было окончательно ясно, что восстание потерпело поражение.

С другой стороны, «Мужицкая правда» декларировала свои социально-политические предпочтения в неприязни к помещикам и российскому императору. Хотя единение крестьян с помещиками допускалось при условии, если помещики будут учитывать интересы крестьян. По отношению же к императору высказывались однозначно негативные суждения. Однако идеологические воззрения бе-

лорусских крестьян того времени были направлены против помещиков, а «Мужицкая правда» предлагала варианты сотрудничества с ними. Что же касается отношения крестьян к верховной власти и, в частности, к императору, то оно продолжало оставаться сакральным, крестьянству того периода был свойственен наивный монархизм [6, с. 153]. Император являлся для крестьян символом закона, «правильного» устройства миропорядка, полностью позитивным явлением, а «Мужицкая правда» проповедовала совершенно обратное отношение к российскому императору. Кроме того, впоследствии, то есть в течение 1863 г., реальное облегчение участи крестьян пришло не от повстанцев, а именно от императорских властей (закон от 1 марта 1863 г, уничтожение выкупных платежей 1 мая 1863 г., вооружение крестьян для противодействия грабежам деревень повстанческими отрядами, денежные выплаты за поимку повстанцев и находки тайников с оружием и т.д.), что еще больше уверило крестьян в позитивности императорской власти.

Кроме антирусского направления листовка несла в себе еще и антиправославное. Причем отношение к Православию было достаточно радикальным. Униатская карта разыгрывалась достаточно осознанно. Повстанцы хотели найти как можно больше отличий между населением Северо-Западного края и центральных российских губерний. А поскольку у великорусов и большей части белорусов была одна общая вера – Православие, то нужно было создать определенную оппозицию, чтобы разграничить крестьян на «своих», то есть неправославных, и «чужих».

В «Мужицкой правде» Православие подвергается не только критике, но и откровенным нападкам и оскорблениям. Судя по всему, авторы не очень хорошо представ-

ляли, как логически можно объяснить свой призыв к белорусским крестьянам о переходе их в униатство, поэтому решили попросту скомпрометировать Православие путем навешивания на него различных негативных ярлыков. В листовке Православие называется схизмой и собачьей верой, всем православным авторы угрожали вечными мучениями на том свете [7, с. 124–133].

Листовка пыталась играть на религиозных чувствах крестьян, поскольку крестьянство являлось достаточно религиозным слоем населения. Интересен факт, что листовка печаталась на гродненском диалекте белорусского языка, а предназначена была для крестьян Восточной и Центральной Белоруссии, поскольку призывы переходить в униатство касались православного населения, а Гродненщина была в основном католической. Это еще один момент, который подтверждает то, что крестьяне не воспринимали «Мужицкую правду» как «свою» листовку, написанную крестьянином.

Примечательно, что в «Мужицкой правде» нет ни одного упоминания о католиках. Складывается ощущение, что среди крестьян их вообще на территории Белоруссии не существовало. Это еще одно доказательство антиправославной и антирусской направленности листовки, поскольку католики, по мнению руководителей восстания, должны были априори поддерживать восстановление католической Речи Посполитой. Опять же из данного расклада становится ясно, что ни о каком самоопределении белорусов речи не шло, так как агитация предназначалась только для белорусов-православных, а белорусы-католики могли спокойно оставаться католиками, хотя если белорус должен был быть униатом, то католические кре-

стьяне-белорусы по логике вещей также обязаны были бы перейти в униатство.

«Мужицкая правда» нападает на Православие, в то время как подавляющая часть белорусских крестьян являлись православными. Конечно, большинство из них в недавнем прошлом были униатами, но с того момента прошло уже более 20 лет. Молодое поколение крестьян не переживало опыта перехода в другую веру. Оно могло судить об униатстве лишь по рассказам старших, поэтому белорусская крестьянская молодежь не несла в себе идею возвращения непонятной для нее и не утерянной ей униатской веры. В восстании же в основном принимала участие молодежь, что дало повод дореволюционному исследователю А.И. Миловидову называть восстание 1863 – 1864 гг. «мятежом детей» [2, с. 228]. Для крестьянской молодежи 60х гг. XIX в. униатство не несло сакрального смысла и не являлось той идеей, к возвращению которой нужно было стремиться. Именно поэтому антиправославная агитация не имела под собой серьезной почвы и была скорее наивной попыткой сплотить будущих польских подданных в единый монолит с помощью религии. Причем исходя из соображений польского повстанческого руководства с православием нужно было бороться жесткими методами, поскольку в случае возрождения Речи Посполитой православная Россия постоянно бы имела среди ее православных подданных своих союзников, что создавало бы проблемы сепаратистских движений и давало бы возможность вмешиваться во внутренние дела под знаменем защиты единоверного населения, что уже произошло в конце XVIII в. и вылилось в разделение Речи Посполитой между соседними государствами.

Страх возможности антигосударственных движений в будущей Речи Посполитой со стороны православного населения объяснялся и тем, что представители польско-католических кругов постоянно занимались этим в составе Российской Империи и, судя по всему, представляли любое сепаратистское движение именно в таком ключе.

Авторы «Мужицкой правды» исходили из своих идеологических соображений и были уверены, что такими же категориями должны мыслить и крестьяне, к которым были обращены их послания. Они пытались связать социальный статус крестьянина с исповедованием униатства. По их маркировке лишь крестьянин-униат был законным жителем края, кроме того, этот крестьянин должен был с ненавистью относиться к великорусам. Только такое поведение давало возможность вернуть Речь Посполитую, которая, по утверждению авторов «Мужицкой правды», была самым идеальным местом существования крестьян.

Под именем Яськи-гаспадара из-под Вильно известен еще один документ – его «Письмо Яськи-гаспадара из-под Вильно к мужикам земли польской», написанное на белорусском языке и распространяемое в пределах Белоруссии. Письмо выдержано в той же стилистике, что «Мужицкая правда», но более конкретно определяет политические предпочтения автора. В нем четко прописано то, что население Белоруссии живет на польской земле, ест польский хлеб и является поляками [4, с. 241 – 242]. Исходя из подписи и особенностей печатного слова, предполагаемым автором является К. Калиновский. Однако историк Г.В. Киселев утверждает, что авторство Калиновского сомнительно, поскольку он не мог исповедовать подобные мысли. Других весомых доказательств того, что Калиновский не писал

это воззвание, нет. Судя по печати на сохранившемся воззвании, оно было напечатано в варшавской типографии. Произошло это летом 1863 г. В этот же период вышел седьмой номер «Мужицкой правды», который был написан не на гродненском, а на брестском диалекте. Там заявлены идеи определенного отличия Белоруссии от этнической Польши, чего не было в предыдущих выпусках листовки. Кроме того, само расположение текста на странице отличалось от предыдущих номеров «Мужицкой правды». На основании этого можно утверждать, что седьмой номер газеты готовил не К. Калиновский, а кто-то другой. Если учесть, что «Письмо Яськи-гаспадара к мужикам земли Польской» вышло в это же время, то его выход можно рассматривать как реакцию К. Калиновского на седьмой номер «Мужицкой правды», к которому он, судя по всему, не имел отношения. Тем более что Центральный Национальный комитет к тому времени признал его как руководителя Литвы и Белоруссии, поэтому у амбициозного двадцатилетнего диктатора не было резона вступать в конфликт с варшавским руководством. Авторство К. Калиновского «Письма к мужикам земли польской» подтверждает и тот факт, что в первых шести выпусках «Мужицкой правды» хотя и не столь явно, но прослеживается такое же наполнение, что и в «Письме Яськи-гаспадара из-под Вильно к мужикам земли польской». Например, в «Мужицкой правде» нет ни одного упоминания ни о белорусах, ни о литвинах, но постоянно подчеркивается, как хорошо крестьяне жили в период существования Речи Посполитой, что именно польские короли заботились о своих подданных, не эксплуатировали крестьян. Примерно те же слова можно найти и в письме польским мужикам.

Вызывает интерес, что в «Письме Яськи-гаспадара из-под Вильно к мужикам земли польской» к крестьянам апеллируют не только как к бывшим униатам, но, в первую очередь, как к нынешним полякам. Неэффективность антиправославной пропаганды стала достаточно понятна, поэтому пришлось взывать к «этническим корням», убеждать, что белорусские крестьяне – поляки. Убеждение строилось на достаточно простой логике: «по польской земле ходим, польский хлеб едим», то есть К. Калиновский считал белорусские земли польскими, что полностью не соответствует тому образу белорусского национального героя и первого белорусского националиста, который создала из него белорусская историческая школа. Эта не имеющая под собой серьезного фактического основания идея продолжает циркулировать в среде белорусских, а также части зарубежных историков и поныне.

Последним белорусскоязычным произведением К. Калиновского стали так называемые «Письма из-под виселицы», где он прощался с крестьянами, призывая их к образованию и борьбе против великорусов и Православия. Белорусский язык данного послания, судя по всему, можно объяснить лишь тем, что шляхта, начавшая с прибытием в Вильно М.Н. Муравьева верноподданническую кампанию, разочаровала и так не жаловавшего ее диктатора Литвы и Белоруссии, который свято продолжал верить, что единственной социальной группой, которую можно заставить жить по «правильным» идеям, было крестьянство. Возможно, это было лишь желание создать эффект последнего жеста и остаться в памяти народа. Однако этого не случилось, и белорусское общественное мнение начало воспринимать своего «героя» лишь после долгой

работы белорусских сепаратистов по созданию позитивного образа К. Калиновского и части его белорусскоязычного печатного наследия.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Архивные материалы муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Ч. 2. – Вильно, 1915. – LXII, 466 с.
2. Гулюк, М.А. Дореволюционная историография о правительственной политике по подготовке педагогических кадров в Виленском учебном округе (вторая половина XIX – начало XX в.) / М.А. Гулюк // Сучасныя праблемы гістарыяграфіі гісторыі: Матэрыялы рэспубліканская навукова-практычная канферэнцыі. У 3 ч. Ч. 1. – Мінск : БДПУ ім. М. Танка, 2003. – С. 226 – 231.
3. К. Калиновский: Из печатного и рукописного наследия – Минск: Беларусь, 1988. – 207 с.
4. Каліноўскі, К. За нашу вольнасць. Творы, дакументы / К. Каліноўскі – Мінск: Беларускі кнігазбор, 1999. – 464 с.
5. Кісялёў, Г.В. З думай пра Беларусь / Г.В. Кісялёў – Мінск : Беларусь, 1966. – 316 с.
6. Панютіч, В.П. Историография аграрной истории Беларуси 1861 – 1917 гг. (исследования 1990-х годов) / В.П. Панютіч // Сучасныя праблемы гістарыяграфіі гісторыі: Матэрыялы рэспубліканская навукова-практычная канферэнцыі. У 3 ч. Ч. 1. – Мн.: БДПУ ім. М. Танка, 2003. – С. 151 – 155.
7. Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861 – 1862 гг. – Москва : Наука, 1964. – 779 с.
8. Трещенок, Я.И. История Беларуси. Ч. 1. Досоветский

период: Учебное пособие / Я.И. Трещенок – Могилёв, МГУ им. А. Кулешова, 2003. – 174 с.

9. Хаўстовіч, М. «Цяпер маскаль п'яе мудрагелікі свае» / М. Хаўстовіч // Спадчына. – 1999. – № 5–6. – С. 86–105.